

Глава 1

Цзян Най был сиротой.

Пожалуй, всё потому, что далеко не каждые родители в этом мире способны безоговорочно любить собственных детей. Малыша Цзян Ная Бабушка-директор подобрала прямо у калитки детского дома, на сугробе.

Сказать, что эти родители отличались добрым сердцем? Крошечного Цзян Ная оставили на пороге промерзшим докрасна, так что после того, как его занесли внутрь, он пролежал в сильнейшей лихорадке всю ночь, поставив на уши весь приют.

Сказать, что они были жестокосердны? Ребенок был закутан на совесть, и красный пеленальный конверт особенно ярко выделялся на фоне ледяной заснеженности — словно нарочно, чтобы проходящие мимо люди сразу заметили малыша.

Бабушка-директор всегда рассказывала Цзян Наю, что в тот день она сперва заметила красный сверток, а уже потом — покрасневшее личико.

Тогда она подумала: точно сорванное прямо с дерева румяное яблочко, разве мог кто-нибудь выбросить в снег такое лакомство.

Это было просто возмутительно.

— Раз уж я его подобрала, будет носить мою фамилию — Цзян. А имя возьмем самое простое — най. Цзян Най, мое яблочко избавления, сладкое донельзя с макушки до пят.

У сладкого Цзян Ная было много друзей-ребятишек, была своя Бабушка-директор, а дома его ждало множество тетюшек.

Среди них особенно выделялся мужчина в черном костюме — точно чернильная клякса на белом листе бумаги, невозмутимый и непостижимый.

Люди в комнате один за другим удалялись, намереваясь оставить переживших тяжелейшее потрясение мужей наедине, чтобы они могли восстановить былую близость.

Но, словно по волшебству из сказки о Золушке, время выйдет, и всё вновь вернется на круги своя.

Маленький Цзян Най ничего не понимал и просто продолжал жить в этом доме.

Хватка на плечах оказалась чересчур сильной, слабый Цзян Най был совершенно не в силах вырваться, а от звучащих прямо над ухом безумных речей мужчины ему стало немного страшно.

Цзян Най покачал головой.

— Ты еще кто такой? Мы едва познакомились, а ты распускаешь руки?

Такого франта он бы ни за что не забыл, если бы хоть раз встретил в прошлом.

Комната была забита людьми в белых халатах, вокруг него стояли незнакомые приборы, а в вену на руке был вставлен катетер.

Скрывать это вечно не получится.

Цзян Най опустил взгляд на руку, лежащую поверх его собственной, его длинные пушистые ресницы затрепетали, а на лице воцарилось спокойствие.

И правда, мужчина сделал шаг вперед, присел на корточки и бережно взял Цзян Ная за руку. На его лице читалось нескрываемое облегчение и радость — восторг человека, сорвавшего многомиллионный джекпот в лотерею.

Однако это ничуть не убавило неловкости: Фэн Чэньян, которого внезапно оттеснили в сторону, так и замер на месте, врачи, упаковывавшие аппаратуру, тоже прервали свои действия, а кто-то и вовсе молча вернулся из коридора обратно в палату.

Цзян Най спросил Бабушку, почему они уехали, и та ответила, что они отправились в новый дом.

Кровать, на которой он лежал, отличалась отменным качеством, и его попытки применить технику Великого сдвига Вселенной вовсе не заставляли ее скрипеть.

Цзян Най слегка повернул голову, украдкой разглядывая внешность мужчины: тот был необычайно хорош собой, с благородными чертами лица, хоть сейчас бери и снимай на большом экране без всякого грима.

С отвращением отбив попытку незнакомца обнять его, Цзян Най всем видом выказал крайнюю настороженность и изо всех сил заерзал, отползая в другой конец кровати.

Мужчина не унимался:

— Ты что, совсем не помнишь, кто я?

Или же ты просто ошибся человеком? Приди уже в себя и прекращай нести бред.

Очнувшийся молодой человек всё еще выглядел больным, его лицо было бледным.

В голове снова зашумело, и он добрую половину дня не мог выдать из себя ни слова, искренне желая просто потерять сознание прямо сейчас.

За стенами кухни вовсю кипело семейное застолье, в то время как Цзян Най по-прежнему оставался в одиночестве — в его собственном доме очаг никогда не теплился домашним теплом.

Цзян Най медленно покачал головой:

— Я... не знаю.

К тому же время от времени кто-то из младших братьев или сестер неизменно покидал этот дом.

Позже Бабушка Цзян умерла, и Цзян Най съехал из дома, в котором прожил с самого детства.

О том, что поначалу было стыдно произносить при честном народе, он теперь даже заикаться не смел — боялся, что этот господин Фэн сбредет с ума еще сильнее и тогда личная безопасность окажется под угрозой. В такой ситуации хоть к небесам зывай, всё равно останешься в дураках.

Словно не желая мириться с подобным ответом, сидевший у больничной койки Фэн Чэнъянь вдруг вцепился в плечи Цзян Ная и хриплым, приглушенным голосом произнес:

— Я Фэн Чэнъянь, я твой муж.

Господин Фэн, о котором говорила Бабушка, судя по всему, и был тем самым мужчиной в деловом костюме.

Вмиг семь или восемь пар глаз уставились на человека на больничной койке, отчего Цзян Най почувствовал нешуточный страх.

Его слабые попытки вырваться обернулись звериной хваткой объятий.

Два или три медицинских работника окружили кровать и провели базовый осмотр Цзян Ная,

после чего главный врач — голубоглазый блондин — с удручающим акцентом на ломаном китайском произнес:

— Не беспокойтесь, господин Фэн, за исключением легкого недоедания, со здоровьем госпожи Фэн всё в полном порядке. Невероятная удача, что она пришла в себя после трех лет комы.

Эта пара, чья взаимная страсть казалась окружающим столь очевидной, не обменялась ни пылкими поцелуями, ни сдержанными объятиями.

В том временном пристанище Цзян Най пристрастился к кулинарии, а позже устроился обычным работягой в этом мегаполисе. В качестве ассистента частного повара он по указке шеф-повара отправлялся на кухни к самым разным нанимателям, чтобы готовить для них изысканные и дорогие блюда.

В голове слегка пульсировало — возможно, от мельтешения этого слепящего белого цвета.

Но у него-то не было ни папы, ни мамы, в отличие от всех остальных ребят в школе.

Фэн Чэнъянь посмотрел на Цзян Ная и осторожно осведомился:

— Мы женаты уже четыре года, На-най, неужели совсем ничего не помнишь?

К тому моменту он уже прекрасно понимал, что тот большой двор назывался детским домом — он давал временное пристанище бесчисленным маленьким ангелочкам, которые пришли в этот мир, но оказались никому не нужны.

Цзян Най чувствовал, что места, за которые его держали, казалось, готовы были стереться в порошок, но все же слегка покачал головой — он действительно совершенно не помнил никакого Фэн Чэнъяня.

Но пути судьбы неисповедимы.

Еще недавно Цзян Най и помыслить не мог, что такая модная и диковинная штука, как амнезия, случится именно с ним.

И как ему теперь оправдываться? Сказать, что он отроду не валялся ни с какими мужчинами, что он девственник от рождения и даже за руки-то толком никого не держал?

Заметив неладное, стоявший рядом врач тут же шагнул вперед и попытался усовестить мужчину:

— Господин Фэн, вы делаете госпоже больно своим объятиями. Не лучше ли отпустить ее, чтобы мы провели осмотр?

Цзян Най закивал:

— Да-да, осмотрите меня, пожалуйста.

Пальцы на плечах внезапно разжались. Мужчина с суровым выражением лица внимательно посмотрел на него пару мгновений, после чего отступил назад, уступая место медикам.

Даже изо всех сил выпрямив спину, он всё равно выглядел так, будто пытался напустить на себя важность, а сам дрожал от страха перед собственными поступками.

Сделав глубокий вдох, он постарался успокоиться:

— Профессор Джозеф, пожалуйста, проверьте всё тщательно.

Врач кивнул — в его профессионализме сомневаться не приходилось.

— Госпожа, не бойтесь, ответьте, пожалуйста, на несколько моих вопросов.

Голубоглазый европеец говорил с предельно серьезным выражением лица. Если бы не тот факт, что он задавал вопросы глядя прямо в глаза Цзян Наю, бедняга на кровати вряд ли понял бы, кого именно тот зовет.

Впрочем, нынешний Цзян Най и сам пребывал в полном тумане.

Госпожа? Какая еще госпожа?

— Вы помните свое имя?

— Э-э... Цзян Най, меня зовут Цзян Най.

— Отлично. Следующий вопрос: какой сейчас год и месяц?

— 202х, зима же, разве скоро не Новый год?

Ему ведь еще новогоднюю премию не выдали! Несколько дней назад шеф как раз распинался в общем чате, что тем, кто останется дежурить на новогодний ужин, выплатят дополнительный бонус — это-то он помнил отчетливо.

— Вы помните имя своего мужа? А также имена ваших двоих детей?

— ???

Что за бред? Муж? Дети?

Цзян Най вытаращил глаза, озираясь по сторонам так, будто смотрит фильм ужасов.

Всё, что последовало дальше, словно пронеслось на ускоренной перемотке.

Бесконечные медицинские обследования, опросники на нескольких листах формата А4 — каждая мелочь была обставлена так, будто Цзян Най находился на допросе.

Временами ему казалось, что все эти люди просто разыгрывают спектакль. У них был четкий и заученный сценарий, в то время как он сам выглядел случайным гостем с улицы — чужеродным элементом, ради которого актеры изо всех сил старались придать происходящему хоть какой-то смысл.

Какими бы ни были его сомнения, окружающие делали всё возможное, чтобы доказать Цзян Наю: это самый настоящий мир.

После заполнения нескольких психологических опросников Цзян Най внезапно подумал, что если дело так пойдет и дальше, его живо упрячут в психиатрическую лечебницу.

Поэтому он решил уступить.

А что, вдруг он действительно потерял память?

Что ж, проведем перезагрузку мозгового процессора: я, Цзян Най, частный повар, еще даже не успевший толком приступить к работе, потерял память за последние четыре года из-за автомобильной аварии.

Теперь у меня не только есть муж, с которым мы женаты четыре года, но еще и трехлетняя двойня в придачу.

О, господи боже мой!

До чего же нелепая ситуация: он, одиночка, который отроду чужой мужской руки не касался, вдруг обзавелся полным комплектом из брака и детей.

Если человеческая жизнь — это свиток с живописью, то выпавшие из его памяти четыре года

определенно были стерты сплошной цензурной плашкой.

Отсутствие улик оставляло его жизни куда больше возможных вариантов.

Поскольку, помимо амнезии, никаких других отклонений в его организме обнаружено не было, авторитетный профессор Джозеф посоветовал ему возвращаться к нормальной жизни.

— Знакомая обстановка поможет пациенту быстрее восстановить воспоминания.

Используя свой несовершенный китайский, доктор дал совет этой не слишком-то удачливой паре.

Фэн Чэнъянь погрузился в задумчивость, Цзян Най глядел на всех ошеломленным взглядом, и в конце концов баснословно богатый директор Фэн погрузил часть команды профессора Джозефа вместе с ничего не помнящей госпожой Фэн в машины и увез в свое поместье.

Оказавшись в незнакомой усадьбе, Цзян Най не стал выказывать бурного протеста или сопротивления.

Фэн Чэнъянь, словно чувствуя отторжение со стороны Цзян Ная, за исключением необходимых встреч с врачом, практически не пытался контактировать с ним наедине. Приведя его в виллу на горе, он больше не беспокоил супруга.

Если им и доводилось пересекаться, мужчина неизменно держался мягко и учтиво.

Забившись в свой просторный гостевой покой и растянувшись на огромной кровати, Цзян Най думал о том, что еще совсем недавно ломал голову над тем, в какое время лучше отправляться штурмовать скидочные прилавки в супермаркете, чтобы не столкнуться с бабулями и дедулями боевой закалки.

Кто бы мог подумать, что его ждет такая жизнь.

Поднявшись с постели в мягких тапочках, он подошел к зеркалу в полный рост и со сложным чувством уставился на собственное отражение: круглое личико, большие глаза, уголки губ сами собой приподняты вверх.

Хотя на лице не было ни единой эмоции, постороннему могло показаться, будто он улыбается.

Даже крошечная родинка в уголке правого глаза осталась на своем прежнем месте.

Повернувшись боком, он бросил на зеркало косой взгляд, а затем резко развернулся и

состроил комичную гримасу — отражение в точности повторило его движение.

Не утруждаясь бесконечным открыванием-закрыванием рта, морганием и высовыванием языка, он убедился, что в зеркальном двойнике нет ни единого изъяна.

Разочарованно вздохнув, Цзян Най вновь безвольно рухнул на кровать стоимостью никак не меньше двух миллионов и даже разок перевернулся с боку на бок.

Впрочем, всё было не так уж плохо — по крайней мере, он сказочно разбогател.

Стоило ему вбить в поисковик на телефоне название марки матраса, как на экране вылезла последовательность цифр, о которой он раньше и мечтать не смел.

К тому же системное время на смартфоне, новостные сводки и даже даты изготовления на упаковочных коробках всюду кричали об одном: на дворе стоял уже четвертый год после аварии.

— А-а-а-ай-я-я-я-йй□!

Подняв подушку и швырнув ее обратно, он почувствовал странное удовлетворение.

Выпустив пар подобным образом и немного устав, он решил выключить свет и лечь спать пораньше.

И без того пострадавшая в аварии голова требовала бережного отношения, так что полуночничать больше было нельзя — не хватало еще получить осложнения и впрямь остаться дураком.

— Спать, спать.

В комнате воцарилась абсолютная тишина.

Словно заблудший ягненок, угодивший в неизведанные земли, Цзян Най превратил эту запертую спальню в свое собственное убежище, куда никто не смел вторгнуться. Расслабившись душой и телом, он мгновенно провалился в сон.

Изящный молодой человек лежал на подушке, хмуря брови.

Во сне Цзян Най стоял на втором этаже.

Опустив взгляд, он увидел лестницу из строгого полированного мрамора. Хотя он и не

разбирался в европейских массивных хрустальных люстрах, это не мешало ему чувствовать от них за версту дороговизной.

В голове стоял туман, и он никак не мог сообразить, где находится, полагая лишь, что это, должно быть, дом какого-нибудь богатого заказчика.

В конце концов, их братия частных поваров принадлежала к числу людей, обслуживавших исключительно толстые кошельки. Жаль только, что сам он был лишь скромным чернорабочим — даже при аренде жилья не смел выбирать районы получше, опасаясь высоких цен.

Так неужели это дом госпожи Линь, у которой было двое детей и кошка? Вот она как раз любила задерживать Цзян Наю на чашку чаю после работы.

Впрочем, в домах, где росли две девочки, лестницы, насколько помнилось Цзян Наю, были бежево-белыми — точь-в-точь как стена в том приюте, по которой так тепло растекались лучи заходящего солнца.

Или, может, это дом вечно занятого одинокого холостяка господина Цина? У него, если память не изменяла, интерьер был выдержан в холодных минималистичных тонах — казалось, добавь в обстановку хоть один яркий акцент, и он тут же нарушит безупречную ауру делового стиля.

Зато человек он был потрясающий: услышав как-то раз, как Цзян Най упоминает какую-то книгу, в следующий приезд повара господин Цин непременно оставлял это издание на журнальном столике в гостиной.

Правда, сам Цзян Най не слишком жаловал чтение, особенно сюжеты о всепоглощающей любви и превратностях судьбы — его интересовали лишь мимоходом упоминавшиеся там кушанья.

Но в доме господина Цина лестницы точно не было, он предпочитал просторные одноуровневые апартаменты с удобной планировкой.

Тогда что же это за место? Он искренне недоумевал.

Стоило ему моргнуть, как на лестнице показался поднимающийся вверх человек.

И хотя был виден лишь его профиль, это ничуть не мешало Цзян Наю восхищаться его красотой — особенно линией носа и губ, чей изгиб словно был благословлен самим небом.

Мужчина был одет в черную рубашку, верхняя пуговица которой оказалась расстегнута, обнажая чувственную ямочку на горле и ключицы. Рукава были аккуратно закатаны до локтей, а часы на запястье отбрасывали россыпь мелких световых бликов.

Однако внимание Цзян Ная привлекло совсем другое: чашка с кашей, которую мужчина держал в руках. Он отчетливо видел, что рисовые зерна даже не разварились толком — рис плавал отдельно, вода отдельно, и им двоим было явно не по пути в одной посуде.

При этом выражение лица у мужчины было донельзя серьезным, словно он нес эту чашку на подписание многомиллиардного контракта. И чем выше он поднимался, тем сильнее, судя по всему, улучшалось его настроение — на губах даже заиграла беззаботная улыбка, а шаг стал легким и пружинистым.

— На-най, попробуй-ка кашу, которую я сварил, вкусно?

Спрашиваешь меня? Каша это или вареный в воде рис, ты и сам прекрасно видишь. К тому же он сам не варил такую бурду с пятилетнего возраста.

Стоило ему открыть рот, чтобы сказать правду, как он услышал, как его собственный голос в сновидении произнес:

— Мм, очень вкусно.

Цзян Най остолбенел — он отказывался верить, что это сказал он сам.

Мужчина напротив поднял голову, их взгляды встретились, и в его глазах плетилась невыразимая, нежная до боли теплота.

Это оказался он — Фэн Чэньян.

Насильственно выброшенный из сновидения реальностью, Цзян Най резко сел на кровати и, вспоминая только что пережитое кошмарное наваждение, легонько постучал себя по груди.

Мысль о том, что всё это было лишь отражением его тревог, казалась утешительной. Хотя подобный сон явно тянул на самый настоящий кошмар.

В семь утра Цзян Най проснулся во второй раз.

Едва он успел взъерошить свои растрепанные волосы, как до слуха донесся звук автомобильного мотора, привлечший его внимание.

Босиком ступая по прохладному полу, он украдкой приоткрыл плотные шторы и осторожно выглянул наружу, точно так же, как и в предыдущие дни.

Из гаража как раз выезжал черный кулинан. Окно со стороны водителя было опущено

наполовину, и Цзян Най отчетливо разглядел сидевшего за рулем мужчину.

Тот был облачен в безупречный деловой костюм, а лучи утреннего солнца, проникая сквозь автомобильное стекло, падали на его безупречный профиль, покрывая золотистым сиянием — словно в какой-то романтической мелодраме.

Очки в золотой оправе придавали его облику еще больше мягкости и интеллигентности. Когда машина пошла на разворот, то ли случайно, то ли по какой-то неведомой причине, он поднял голову и поймал подглядывающего за ним Цзян Ная с поличным.

Цзян Най почувствовал, как у него на секунду замерло сердце: с какой стати он вдруг так красиво улыбнулся? В тот день его лицо вовсе не казалось столь уж мягким.

До чего же мастерски притворяется! Придя в себя, Цзян Най сердито дернул штору, плотно задерживая окно.

Спустя еще час Цзян Най решил, следуя заведенному за последние дни порядку, воспользоваться отсутствием хозяина дома и спуститься вниз, чтобы совершить набег на кухню.

Но не успел он переступить порог комнаты, как снизу раздался пронзительный визг.

Тоненький детский голосок звучал так, будто малыш был чем-то страшно рассержен.

<http://bllate.org/book/22066/2294539>